

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 23 августа 1881  
11 августа

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie** и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 номера, съ доставкою на домъ во все города Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 номера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: *rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.*

## СОДЕРЖАНИЕ:

1) Амнистія или терроризмъ. — 2) Извѣстіе о предстоящемъ политическомъ процессѣ; письмо Колькиной. — 3) Историческая Польша и великорусская демократія. М. Драгоманова. — 4) Хроника внутренней жизни: «Новая Газета» экс-профессора Модестова; еще двѣ жертвы еврейскаго вопроса. — 5) Дрезденское православное братство (письмо изъ Москвы). — 6) Русскіе искатели иностранныхъ тропинъ: I графъ Игнатъ въ Болгаріи. II графъ Лорисъ-Меликовъ въ Арменіи. — 7) Хроника рабочей вопроса: Лондонскій конгрессъ социалистовъ-революціонеровъ (продолженіе). — 8) Извѣстія и замѣтки: двѣ новыя группы Междуц. Общ. Раб.; предположеніе о конгрессѣ въ Винтертурѣ; избраніе Гамбетты.

Женева, 23 августа 1881.

Верховная власть всенародно объявила о своемъ твердомъ намѣреніи искоренить крамолу, не поступаясь правами самодержавія. Этимъ объявленіемъ она приняла на себя одну всю отвѣтственность въ случаѣ неуспѣха, потому что себѣ одной предоставила право, какъ устанавливать мѣры, такъ и выбирать людей для достиженія предположенной цѣли. Общество могло бы на этомъ и успокоиться; но, благодаря вопиющему азарту Баранова и призыву московскихъ публицистовъ къ поголовному поступленію въ полицію, заволновалось пуще прежняго. Началась перепалка меликовскихъ кружковъ съ людьми противнаго лагеря, стали печататься за границей и издаваться на казенныя деньги брошюры о средствахъ къ искорененію той же крамолы; отзывались земства, начали составлять адреса и посылать депутаций. На встрѣчу такъ называемой подпольной агитаціи шла агитація явная, но такъ какъ объ эти агитаціи шла по разнымъ слоямъ и поэтому не могли сталкиваться между собою, то вмѣсто того, чтобы ослабить другъ-друга онѣ, каждая въ свою очередь, произвели еще болѣе шумную сумятицу. Сбитая съ толку власть бросилась за собою въ Цуссѣ, но

оттуда только и могли прислать что по экземпляру большаго и малаго осадныхъ положеній. Новому царствованію наступилъ уже шестой мѣсяцъ, а его глаза все еще не освоились со свѣтомъ, все еще не отвыкли видѣть предметы въ обратномъ положеніи, и его по прежнему продолжаютъ убаюкивать чичиковы и хлестаковы новѣйшаго режима. Люди недалёковидные, и тѣ стали замѣчать, что правительству не справиться съ поставленною имъ задачею и что если провѣрять хорошенько, то его единственнымъ устоемъ въ государствѣ окажется войско, которое работаетъ и на югѣ, разстрѣливая народъ ради спасенія жидовскаго имуществъ, и на сѣверѣ, карауля дворцы, улицы, пристани и желѣзныя дороги отъ покушеній на особу царя. Желаннаго умиротворенія нѣтъ какъ нѣтъ; только новыя стѣсненія свободы слова и дѣйствія не перестаютъ нарождаться въ возрастающей прогрессіи.

Долго ли будетъ такъ продолжаться? — постоянно спрашиваетъ теперь всякій, живущій въ Россіи, невидя выхода изъ невыносимаго положенія.

Упорядоченіе чрезвычайныхъ мѣръ изданіемъ правилъ объ осадномъ положеніи, о чемъ такъ глубокомысленно толкуютъ публики петербургскіе либералы, не только не ослабляетъ тревожнаго смысла этого вопроса, но придаетъ ему еще большее значеніе, дѣлаетъ самый вопросъ громче и настоятельнѣе.

Для успокоенія общества, для того, чтобы всякій зналъ и былъ увѣренъ, что, ни изъ личныхъ побужденій, ни ради спасенія отечества, не посягнутъ на его личность, нужны мѣры прямо противоположныя объявленію страны въ осадномъ положеніи. Если же своего рода habeas corpus необходимъ для успокоенія людей ни въ чемъ неповинныхъ, не знающихъ за собою никакого поступка, за который они могли бы отвѣтить передъ закономъ,

то на сколько необходимымъ становятся гарантіи личной неприкосновенности для людей уже компрометированныхъ, но которые пожелали бы отказаться на будущее время отъ насильственныхъ дѣйствій введенныхъ ими въ систему.

Непужно обладать особою проникательностію, чтобы въ упорствѣ правительства *безпощадно преслѣдовать* (какъ оно не разъ выражалось) замѣшанныхъ въ революціонномъ движеніи, видѣть главную причину, побуждающую террористовъ продолжать начатое ими дѣло. Чего ради откажутся они отъ динамита и бомбъ, коль скоро всякаго попавшагося въ руки начальства изъ ихъ среды ожидается казнь или, по меньшей мѣрѣ, ссылка въ восточную Сибирь? Организуя нападенія, они въ тоже время сами организуются въ общество самозащиты, тѣмъ сильнѣе сплоченныя внутренно, чѣмъ опаснѣе затѣянное предпріятіе. Строгостію мѣръ, принятыхъ противъ распространенія социалистической пропаганды, правительство само загнало народниковъ въ терроризмъ, а теперь думаетъ искоренить террористовъ тою же строгостію въ сочтаніи съ *безпощадностію*! Тутъ нѣтъ здраваго смысла, а потому не можетъ быть и успѣха даже въ томъ случаѣ, если бы террористы остались вполне изолированными революціонною партіей въ Россіи. Повторяемъ, для терроризма нападеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и надежнѣйшій способъ самозащиты, слѣдовательно ослабленіе энергій нападенія можетъ послѣдовать не рѣже, какъ по устраненіи необходимости защищаться. Ясно, кажется, что не *безпощадное преслѣдованіе*, всенародно объявленное правительствомъ при громѣ аплодисментовъ нашей печати всевозможныхъ отбѣлковъ, не исключая и меликовскихъ либераловъ, въ состояніи внести болѣеую человечность въ обострившуюся до крайности борьбу за существованіе нашихъ рево-

люционных элементов. Полное отрешение от чувства мести, несомнѣяемаго съ достоинствомъ верховной власти, забвение прошлаго, словомъ сказать *амнистія* — вотъ прямой и единственно надежный путь къ упорядоченію нашего революціоннаго движенія. Общество должно знать, что англодируя власти въ ся пенствствахъ, оно англодируетъ собственному цвѣтѣ и становится на скользкую дорогу потворства страстямъ въ ущербъ своимъ же собственнымъ интересамъ, потому что на немъ первомъ обрушивается разнузданность произвола и раздраженіе доведенныхъ до крайности этою разнузданностью.

Объявленія амнистии было бы однако еще недостаточно.

Амнистія освобождаетъ отъ судебного преслѣдованія, но не даетъ увѣренности въ защитѣ отъ административнаго насилія.

Если оправданнаго по суду несколько не стѣсняясь выселять административнымъ порядкомъ, то тѣмъ менѣе станутъ перемониться съ помилованнымъ при малѣйшемъ подозрѣніи, зародившемся на его счетъ въ головѣ перваго встрѣчнаго урядника. Подозрѣнія тѣмъ болѣе возможны, что отъ амнистированного никакого *раскаянія* не требуется, и только при этомъ условіи и возможно принятіе амнистии большинствомъ. Слѣдовательно, чтобы ослабить болѣзненное напряженіе первыхъ гонимыхъ и укрывающихся цѣлые годы, чтобы дать имъ спокойно анализировать свое прошлое и осмотрѣться въ новой жизни, т. е. чтобы сдѣлать ихъ не покорными власти, а здравомыслящими дѣятелями среди общества и народа — необходимы законныя гарантіи личности, ограждающія отъ всякаго произвола со стороны администраціи:

Такими гарантіями служатъ:

во 1-хъ) полная и безповоротная отмена высылки административнымъ порядкомъ по дѣламъ политическимъ;

во 2-хъ) уничтоженіе всякихъ временныхъ и чрезвычайныхъ судовъ;

въ 3-хъ) предоставленіе обвиняемому въ политическомъ преступленіи всѣхъ закономъ установленныхъ средствъ защиты.

Мы выставляемъ этотъ минимумъ требований въ полной увѣренности, что и къ нему не приклонятъ уха наши нынѣшніе государственные дѣятели, придумывающіе въ настоящее время способы для введенія въ дѣйствіе проекта статей-секретаря Каханова. \*)

(\*) См. ниже въ отдѣлѣ хроники внутренней жизни.

Но чѣмъ бы ни были заняты головы нашихъ правителей, общество должно помнить, что *застой* не устанавливаетъ спокойствія, а напротивъ вызываетъ на отчаянную борьбу съ препятствіями къ поступательному движенію, на борьбу, въ которой страстность естественно беретъ верхъ надъ здравомысліемъ. Общество, отстаивающее свое право на существованіе, должно постоянно и настойчиво твердить во всеуслышаніе старую истину, что гдѣ господствуетъ *произволъ*, тамъ нѣтъ и быть не можетъ порядка, потому что всѣ силы, работающія для упорядоченія социальныхъ отношеній, на каждомъ шагу сталкиваются съ произволомъ, который становится поперекъ естественному ихъ теченію и такимъ образомъ самъ подставляетъ себя подъ удары волнъ народной жизни, тѣмъ болѣе сильныя, чѣмъ меньше простора предоставляется разнузданности волнъ.

Мы получили извѣстіе, что по дѣлу о *Колоткевичъ, Морозовъ, Сухановъ, Иванчинъ-Писаревъ* и другихъ 50-ти лицахъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ принадлежности къ террористической партіи, министръ внутреннихъ дѣлъ согласился съ заключеніемъ министра юстиціи о томъ, чтобы предать суду только *шесть* человекъ. Изъ остальныхъ арестованныхъ предположено однихъ вовсе освободить отъ судебного преслѣдованія, другихъ выселять административнымъ порядкомъ, а третьихъ отдать подъ гласный и негласный надзоръ полиціи отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ. По введенію порядку, заключеніе обоихъ министровъ должно поступить на высочайшее утвержденіе.

Намъ сообщаютъ, что на Кубани получено письмо *Колыкиной* къ матери и дѣтямъ, писанное въ день свѣтлаго Христова Воскресенія изъ Иркутской сѣльно-каторжной тюрьмы. Большая Колыкина препровождаетъ свою фотографическую карточку и проситъ родныхъ не печалиться и находить утѣшеніе въ воспоминаніи о подвигахъ величайшаго изъ людей, ради любви къ ближнему принявшаго мученическую смерть на крестѣ. Ей доставляетъ удовольствіе ходить въ церковь по праздникамъ, для чего ей позволяютъ одѣваться въ черное платье и вмѣсто тяжелыхъ арестантскихъ сапоговъ или валенокъ обувать ноги въ легкіе ботинки.

## ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

I.

Настоящее революціонное и вообще оппозиціонное движеніе въ Россіи напоминаетъ то, котораго мы были свидѣтелями въ 1860—1863 гг., хотя, конечно, представляеть и крупныя различія. Какъ тогда, такъ и теперь, главнѣйшіе вопросы, которые занимають мыслящихъ людей въ странѣ, — это вопросы социально-экономическіе. Но такъ какъ опытъ доказываетъ и теперь, какъ доказывалъ это въ шестидесятые годы, когда главнымъ вопросомъ было дѣло освобожденія крестьянъ, что самодержавный царь съ своими еще болѣе самодержавными чиновниками не можетъ рѣшить хоть скольконибудь удовлетворительно насущныхъ вопросовъ страны, то сама собою передъ мыслящими людьми ставится задача — перемѣны политическаго устройства государства такимъ образомъ, чтобы страна сама могла управляться съ своими дѣлами. Кромѣ того подобной перемѣны требуютъ самыя элементарныя потребности личности: личной неприкосновенности, свободы совѣсти, національности и т. п. интересы, ежедневно нарушаемыя властями стоящими надъ контролемъ населенія.

Но кто помнитъ 60-е годы, тотъ, конечно, не забудетъ, какое живое участіе принималъ въ тогдашнемъ оппозиціонномъ движеніи элементъ польскій въ Россіи и за границей. Поляки тогда готовились къ своей революціи, — а потому всячески торопили революціонную высылку и въ остальной Россіи. Теперь не то: Варшава почти спокойна. Если и въ ней происходятъ аресты социал-демократовъ, то происходятъ какъ то въ тихомолку. Широкая публика даже не знаетъ, за что тамъ арестовываютъ людей, тѣмъ болѣе, что догадливое правительство избѣгаетъ дѣлать судебные процессы польскимъ социал-демократамъ, а расправляется съ ними административнымъ порядкомъ. Польская заграничная печать или молчитъ объ этихъ арестахъ, или сообщаетъ о нихъ краткія свѣдѣнія, но которыми нельзя составить себѣ яснаго понятія объ отгнѣнкахъ политическихъ мнѣній тѣхъ поляковъ, которые навлекли на себя административныя преслѣдованія царскаго правительства. Эмиграціонный социалистическій органъ польскій, который было начать выходить нѣсколько времени тому назадъ въ Швейцаріи, выражалъ, конечно, нѣсколько разъ сочувствіе „русскимъ революціонерамъ“, но не высказался ясно относительно послѣдняго, явно политическаго, направленія, принятаго наиболѣе дѣятельными изъ „русскихъ революціонеровъ“. Еще болѣе темнымъ остается отношеніе польскихъ социалистическихъ круговъ, даже такихъ, которые имѣютъ случай высказываться печатно, къ политическому, и неизбѣжно и національному, вопросу въ Польшѣ. Нѣсколько голосовъ, какіе можно видѣть въ брошюрахъ г. Болеслава

Димановскаго („Sozializm jako konieczni rezultat dziejowego rozwoju“ и „Patriotyzm i Socializm“), а также въ газетѣ „Równosc“, довольно абстрактны и несомѣлмы ясны, а часто противорѣчивы даже на страницахъ одного и того же изданія.

Можно сказать, что поляки, — какъ поляки, — не только не принимаютъ активнаго участія въ теперешнемъ политическомъ движеніи въ Россіи, но и не составили себѣ опредѣленнаго мнѣнія о томъ, какъ отнестись къ этому движенію.

Съ другой стороны, читая заявленія представителей этого движенія (газеты: „Земля и Воля“, „Народная Воля“, прокламаціи „исполнительнаго комитета“), мы понимаемъ, что полякамъ трудно было иначе и относиться къ нему, какъ сдержанно, — не забывши даже отъ той или другой частной формы, которую оно принимаетъ по временамъ. Полякамъ трудно выбрать себѣ мѣсто въ этомъ движеніи, — которое носитъ на себѣ слѣдственный, „русскій“, характеръ. Само собою разумѣется, что время отъ времени русскіе революціонеры произносятъ въ своихъ заявленіяхъ слова сочувствія „независимой Польшѣ“ или „своимъ польскимъ братьямъ“, — но слова эти сдѣлались общимъ мѣстомъ всякой революціонной группы въ Европѣ, — и „русскими“ революціонерами послѣднего времени произносятся столь абстрактнымъ образомъ, что, собственно говоря, теряютъ всякое реальное значеніе. Правда также, что послѣднія печатныя программы „русскихъ“ революціонеровъ общаются самоуправленіемъ каждой области (хотя на счетъ національныхъ правъ говорятъ все такъ темно), — но вообще эти программы говорятъ исключительно отъ имени „русскаго“ народа, объ „русскомъ“ народѣ, — и изъ немногихъ частныхъ объясненій, которыя проскальзываютъ въ этихъ программахъ и заявленіяхъ органовъ „русскихъ революціонеровъ“, напр. изъ ссылокъ на исторію, народный бытъ и его учрежденія и преданія, — оказывается, что подъ словомъ „русскій“ народъ они разумѣютъ, какъ это обыкновенно и бываетъ въ разговорномъ языкѣ, — народъ великорусскій, хотя страннымъ образомъ, они тутъ же насчитываютъ то 70, то 80, то 90 миллионовъ этого „русскаго“ народа, вмѣсто 40, каковыя находятся въ действительности. Можно предположить, что „русскіе“ революціонеры разумѣютъ въ послѣднемъ случаѣ всѣхъ гражданъ (подданныхъ) Россіи, называемой иначе „русскимъ“ государствомъ, хотя въ этомъ случаѣ уже не можетъ быть мѣста ссылокъ на народный бытъ, преданія, учрежденія и исторію, — вещи, которыя у разныхъ народовъ Россіи разные. Но дѣло въ томъ, что есть народы, которыхъ самая принадлежность къ Россіи, — а тѣмъ болѣе выражаемая словомъ „русское“, великорусское государство, — сопровождается нарушеніемъ ихъ интересовъ, столь вопиющимъ, что одно уже напоминаніе объ этой принадлежности вызываетъ у нихъ болѣзненное чувство. Народы эти могли бы отказаться отъ желанія вырваться изъ стѣнъ этого государства только тогда, если бы имъ предложена была возможность

такого преобразования этого государства, при которомъ всѣ существенныя интересы ихъ нравственной и матеріальной жизни были бы вполне обезпечены. Само собою, что въ такомъ случаѣ они бы принесли съ своей стороны и всѣ возможные пожертвованія, чтобы и отъ себя помочь достиженію такого преобразования „русскаго“ государства.

По видимому теперешніе „русскіе“ революціонеры и предполагаютъ подобное преобразование, когда обращаются къ восьмидесятимиллионному русскому народу. И если бы исходъ дѣла зависѣлъ отъ доброй воли обращающихся лицъ, — людей, сколько извѣстно, чуждыхъ всякаго честолюбія и національныхъ предразсудковъ, — то отъ торжества ихъ надъ „русскимъ“ же правительствомъ эти восемьдесятъ миллионовъ „русскихъ“ могли бы ожидать всякаго счастья, въ томъ числѣ областной и національной независимости. Но бѣда въ томъ, что ходъ исторіи мало зависитъ отъ добрыхъ чувствъ отдѣльныхъ личностей и что даже исходъ революцій мало зависитъ отъ чувствъ и расчетовъ ихъ инициаторовъ; — и даже болѣе: по болѣе части завтрашнее поведеніе самыхъ политическихъ дѣятелей не всегда зависитъ отъ ихъ сегодняшнихъ обѣщаній, такъ какъ, даже при полной ихъ личной честности, они могутъ быть увлечены совѣмъ на неожиданный путь обстоятельствами, желаніемъ овладѣть ими, наконецъ интересами и привычками тѣхъ сферъ, изъ которыхъ вышли эти дѣятели и на которыя они должны по необходимости опираться и т. д. Такъ напр., „исполнительный комитетъ“, который побѣдилъ до сихъ поръ личность императора Александра II, хотя еще не побѣдилъ самодержавіа въ русскомъ государствѣ, ставитъ ближайшею цѣлью переворота въ Россіи созывъ „учредительнаго собранія“, избраннаго поголовно подачею голосовъ. Но мы уже знаемъ изъ исторіи Франціи, что центральныя представительныя собранія не ведутъ за собою непременно даже политической свободы, не говоря уже о неприкосновенности негосударственныхъ національностей или объ областномъ самоуправленіи. Примѣръ Германіи показываетъ намъ республиканцевъ и чуть не социалистовъ 1848 г. отвергающихъ „отдѣльное положеніе“ польской Познани и вотнующихъ включеніе ея въ нѣмецкую имперію и слѣдовательно предоставленіе ея политикѣ германизации. Въ Австріи мы видимъ цѣлые народы, отказывающіеся посылать депутатовъ въ центральный парламентъ, пока не будетъ обезпечена неприкосновенность ихъ національности и мѣстное самоуправленіе, которыя могутъ быть затерты извѣстнымъ составомъ центрального парламента. Посему мы видимъ примѣры политиковъ, которые начинали свою карьеру радикальнымъ направленіемъ и даже баррикадами и которые становились деспотами, спасая „единство государства“, необходимое, какъ имъ казалось, для огражденія „свободы и прогресса“ отъ попятныхъ „сепаратизма“, по ихъ мнѣнію, символа „реакціи“. Мы не видимъ причины, почему бы не повториться всему этому и въ Россіи, если только отбѣна

царскаго самодержавія не будетъ сопровождаться широкой мѣстной свободой и серьезными гарантіями для неприкосновенности національностей, — что невозможно, если самая борьба противъ теперешняго политическаго строя не будетъ устроена на федеративномъ началѣ, — на отрицаніи „единства Россіи“ или „единства русскаго народа“.

Но объ этомъ послѣднемъ „русскіе революціонеры“, кажется, мало думали, — а централистическая терминологія ихъ прокламацій („русскій народъ“ вмѣсто „народы Россіи“) заставляетъ думать, что не совѣмъ неправы были иностранныя газеты, (въ томъ числѣ благопріятная русской революціи газета Рошфора) которыя говорили, что „исполнительный комитетъ“ старается о сохраненіи за собою „русскаго“ національнаго характера. А между тѣмъ именно эта великорусская исключительность „исполнительнаго комитета“, намѣренная, или нѣтъ, — но вдвойнѣ странная, при преобладаніи среди членовъ его украинцевъ и евреевъ по происхожденію, и есть одна изъ причинъ поверхностности его вліянія на массы населенія Россіи: массы великорусскія, по развитому въ нихъ 500 лѣтнею исторіею поклоненію царю, не сочувствуютъ борьбѣ русскіхъ революціонеровъ именно съ царемъ; — не великорусскіе же народы революціонеры не сумѣли заинтересовать въ этой борьбѣ. Понятно, почему поляки, которые до сихъ поръ желали не преобразования Россіи въ интересахъ ихъ народности, а полного отдѣленія отъ Россіи, — съ сохраненіемъ Романова польскимъ королемъ, или же безъ оного, — теперь не могутъ принимать близко къ сердцу движеніе, которое не идетъ открыто противъ единства Россіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ поляки не выступаютъ изъ прежней своей программы отдѣленія отъ Россіи. Такимъ образомъ можно сказать, что „русскіе“ революціонеры не имѣютъ ясной программы касательно перусскихъ областей, въ томъ числѣ и Польши, — а поляки не имѣютъ ясной программы касательно теперешняго кризиса въ Россіи, — а это обстоятельство, отнимая возможность дружнаго дѣйствія всѣхъ элементовъ противныхъ русскому самодержавію, — не можетъ не быть благопріятно для продолженія дней этого послѣдняго.

Впрочемъ эта безпрограммность или нецѣлѣбность программы, отличающей реальному положенію вещей, составляетъ давнюю особенность польско-великорусскихъ отношеній. Эти обстоятельства въ значительной степени способствовали самому развитію централизма и деспотизма въ области великорусской и превращенію ея въ центръ деспотической російской имперіи, — а за тѣмъ способствовали развитію и сохраненію царской диктатуры и чиновническаго деспотизма въ этой имперіи. Эти же обстоятельства спасли деспотизмъ и централизацию и въ шестидесятыя годы, — обусловивъ собою крупныя ошибки польскихъ и великорусскихъ революціонеровъ въ 1860—1863 гг.

Мы постараемся доказать это краткимъ образомъ польско-московскихъ отношеній въ старыя времена и болѣе подробнымъ обзоромъ

ромъ отношеній польскихъ и великорусскихъ революціонеровъ въ эпоху къ намъ ближайшую, — чтобъ подъ конецъ вывести заключение логически вытекающее изъ уроковъ исторіи и могущее, по нашему мнѣнію, служить практическимъ наставленіемъ для дѣятельности въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

### ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Либеральная почта въ Россіи избрала себѣ благую часть: служа выразительницею желаній буржуазнаго меньшинства она не горитъ и не топчетъ. Не успѣла правительственная кара постигнуть „Голосъ“ г. Краевского, какъ на мѣсто упраздненнаго органа появилась „Новая Газета“ г-на Модестова, не имѣющая ни имени, какъ показываетъ ея безсодержательное названіе, ни собственнаго знамени, а просто на просто принявшая невнятное знамя нашего либерализма изъ рукъ собрата и благодѣтеля. Говоримъ *благодѣтеля*, потому что экз-профессоръ Модестовъ, не смотря ни на какую бѣготню за заводчикомъ Демидовымъ Сантъ-Донатомъ (онъ же шталмейстеръ двора Е. В.), не могъ реализовать уже давно полученнаго имъ права издавать ежедневную газету, еслибы это право не представилось выгодною спекуляціей въ глазахъ А. А. Краевского, Вильбасова и К°. Значитъ не гражданское мужество было причиною невольнаго молчанія г-на Модестова и не оно подвинуло экз-профессора „выступить на служеніе обществу со своимъ печатнымъ органомъ“.

Какъ вѣрный слуга своихъ милостивцевъ, издатель-редакторъ „Новой Газеты“ начинаетъ свое поприще панегирикомъ прошлогоднему режиму, забывши мудрое правило не говорить о прошлогоднемъ сибѣ. Но видно такъ *нужно*, таково ужъ свойство унаследованнаго знамени, что безъ древка изъ высокопоставленныхъ покровителей оно держаться не будетъ. Впрочемъ это личное дѣло редакціи; мы не понимаемъ только по какому праву она заявляетъ о своемъ служеніи обществу и народу, когда тутъ же свидѣлствуетъ, что служитъ вѣрою и правдою издателямъ „Голоса“ и безпріютнымъ послѣдователямъ меликовского ничего не дѣланія.

Редакція не раздѣляетъ однако послѣдняго взгляда на дѣятельность экз-министра Лорисъ-Меликова и обличая „Московскія Вѣдомости“, утверждаетъ, что неправда будто бы „либеральный режимъ“ не былъ озабоченъ постановкою чрезвычайныхъ мѣръ общественной безопасности на законную почву; неправда будто бы правительство въ прошломъ году не было озабочено пониженіемъ выкупныхъ платежей и реформою бюджета, а также упраздненіемъ дѣльных управленій, — что, замѣтимъ, въ мнѣніи „Московскихъ Вѣдомостей“ ни коимъ обра-

зомъ не могло казаться предосудительнымъ, и въ дѣйствительности ст. сов. Катковъ говорилъ не „объ упраздненіи (horribile dictum!)“ учреждений, а объ „удаленіи многообразныхъ неудобствъ нашихъ“.

Что же выходитъ на повѣрку?

Выходитъ, изволите видѣть, что статсъ-секретарь Кахановъ продолжаетъ въ настоящее время дѣло, основаніе которому было положено въ прошломъ году. Это дѣло, какъ извѣстно уже читателямъ „Вольнаго Слова“, состоитъ въ выработкѣ большаго и малаго осаднаго положенія для различныхъ полостей Россіи, смотря потому, находятся ли онѣ по мнѣнію составители проекта въ „состояніи нарушеннаго спокойствія“ или „въ состояніи опасности“, какъ это объяснено ниже въ газетѣ г-на Модестова, въ статьѣ подъ рубрикой: „проектъ положенія о *чрезвычайныхъ мѣрахъ*“. И этотъ-то проектъ о *чрезвычайныхъ мѣрахъ* редакторъ „Новой Газеты“ называетъ постановкою мѣръ общественной безопасности на строго законную почву!

Далѣе, зри, т. е. безъ совѣта съ выборными отъ земли, измышленный канцеляріей министерства внутреннихъ дѣлъ проектъ Лорисъ-Меликова о пониженіи выкупныхъ платежей „Новая Газета“ называетъ серьезною и „основательною“ работою „либеральнаго режима“.

Высочайшее повелѣніе о невыпускѣ впредь бумажныхъ денегъ и о постепенномъ погашеніи прежде выпущенныхъ „Новая Газета“ считаетъ доказательствомъ „серьезнаго *намѣренія присутствія* къ реформѣ бюджета“. Никто не обвинялъ „либеральный режимъ“ въ недостаткѣ „намѣреній“, его обвиняли въ *бездѣятельности*; но по мнѣнію наслѣдниковъ „Голоса“ намѣреніе и дѣйствіе — понятія тождественныя. За тѣмъ, эти господа по видимому не догадываются, что измѣненіе системы налоговъ (реформа бюджета) и улучшеніе валюты кредитнаго рубля — двѣ совершенно различныя финансовыя задачи \*).

Наконецъ редакція „Новой Газеты“, упомянула объ упраздненіи III отдѣленія именно въ прошломъ году, какъ бы ставитъ это упраздненіе въ заслугу тому же „либеральному режиму“. Редакція спрашиваетъ: „какое другое упраздненіе, по своему общественно-государственному значенію, могло бы равняться съ однимъ этимъ упраздненіемъ?“ Отвѣчаемъ: — Упраздненіе министерства почтъ и телеграфовъ. — Оба эти упраздненія тождественны по своему общественно-государственному значенію, такъ какъ министерство почтъ и телеграфовъ и III-отдѣленіе оба были перенесены въ департаменты, и съ присоединеніемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ не измѣнили нисколько своего характера. Даже должность шефа жандармовъ исчезла только по имени, такъ какъ *права* этой должности всецѣло перешли къ министру внутреннихъ дѣлъ. Пресловутое упраздненіе III-го отдѣленія есть не заслуга „либеральнаго ро-

\*) Экз-профессоръ Модестовъ не былъ ли когда нибудь преподавателемъ логики?

жима“ передъ обществомъ и народомъ, а доказательство фальши этого режима, за отсутствіемъ нравственной силы и всякой определенной программы дѣйствія, думавшаго управлять страной при помощи замаскированныхъ обмановъ, подтасовокъ и перекладокъ, возведенныхъ имъ въ принципъ политической нравственности.

Чтобы Вамъ, г-нъ Модестовъ, калѣчу на частъ въ редакціи „Голосъ“ и неудачному сопернику Леониду Спичакова въ ухаживаньи за Демидовымъ Сантъ-Донатомъ вполнѣ уяснить себѣ заслуги либеральнаго режима въ дѣлѣ упраздненія III-го отдѣленія, достаточно узнать (сами Вы этого, конечно, узнать не могли бы), что III-е отдѣленіе упразднено по предложенію его послѣдняго управляющаго, который, замѣтите хорошенько, предложилъ въ тоже время упразднить и отдѣльный корпусъ жандармовъ, сливъ его съ общео государственною полиціею, а административную ссылку по его мнѣнію слѣдовало вовсе отмѣнить. Было бы по меньшей мѣрѣ странно заподозрить управляющаго III-мъ отдѣленіемъ въ желаніи популярничать; тѣмъ не менѣе сдѣланное имъ предложеніе показалось ужъ черезъ чуръ передовымъ. Говорятъ, Черевинъ расплакался, услышавъ о такомъ отступничествѣ собрата и по волѣ всемогущаго вице-императора прошлаго царствованія III-е отдѣленіе упразднено только по имени; корпусъ жандармовъ такъ и остался учрежденіемъ *политической* полиціи, съ *номинальнымъ* подчиненіемъ начальниковъ жандармскихъ управленій губернаторамъ или съ *фактическимъ* подчиненіемъ этихъ послѣднихъ департаменту государственной полиціи (тому же III-му отдѣленію); а высылку административнымъ порядкомъ такъ и не удостоили признать бесполезною для внутренняго спокойствія и крайне стѣснительною для общества мѣрою. По слухамъ, сообщаемымъ въ Вашей же или г-на Краевского „Новой Газетѣ“, рѣшено только *упорядочить* эту высылку, „признавъ“, что высылка должна утратить свой безсрочный характеръ и что самое рѣшеніе должно исходить отъ особой коммисіи, спеціально изъ особыхъ лицъ составленной“.

И такъ, „либеральный режимъ“ Лорисъ-Меликова роди Каханова; Кахановъ роди коммисію о *чрезвычайныхъ мѣрахъ*, коммисія роди *чрезвычайную коммисію* о пребывающей изъ рода въ родъ неизмѣнною, нынѣ и притомъ сущей административной высылкѣ.

Таковы въ концѣ концовъ заслуги передъ обществомъ и народомъ либеральнаго режима, оставаемаго расцвѣтшею подъ его сѣнью нашею петербургскою печатью.

Эти строки были уже написаны, когда телеграфъ принесть намъ извѣстіе о сдѣланномъ „Новой Газетѣ“ предостереженіи съ воспрещеніемъ розничной продажи, за статью: *Свобода печати* (фельетонъ?).

Возмущался прислужничествомъ нашего либерализма правительству и всякимъ высокопоставленнымъ лицамъ, послѣдствіе чего собственною мы и высказали редакціи „Но-

вой Газеты“ нѣсколько рѣзкихъ истинъ, мы не можемъ не изъявить своего глубокаго сожалѣнія по поводу постигшей газету административной кары. Надѣмся, что эта новая несправедливость правительства нѣсколько разочаруетъ адептовъ либерализма въ увѣренности добиться необходимой для всѣхъ насъ свободы слова и дѣйствій путемъ увѣщанія власти къ добровольнымъ уступкамъ духу времени и вполне созрѣвшимъ потребностямъ русскаго общества.

\* \* \*

Нѣжинскій погромъ евреевъ отозвался безпорядками въ Лубнахъ, гдѣ пали новыя жертвы неспособности правительственной власти предупредить враждебныя столкновения между различными частями населенія: смертельно ранены два человѣка изъ народа. Спрашивается, на комъ будетъ лежать обязанность заботиться о вдовахъ и сиротахъ убитыхъ? Да и подумаетъ ли объ этомъ прежде всего полтавскій губернаторъ, г. Бильбасовъ, который, вѣроятно, хлопочетъ теперь въ министерской передней о томъ, чтобы не подвергнуться участи, постигшей черниговскаго Шостака.

## ДРЕЗДЕНСКОЕ

### ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО.

Письмо въ редакцію.

Москва, 3 (15) августа.

Мм. Гг.!

Вчера былъ полученъ въ Москвѣ первый номеръ „Вольнаго Слова“. Названіе газеты какъ нельзя болѣе удачно: ничего намъ такъ не нужно и ни въ чемъ не терпимъ мы большаго недостатка, какъ именно въ *вольномъ словѣ*. Нуждаемся въ немъ мы всѣ, безъ различія партій или мнѣній, консерваторы столько же какъ и либералы. Напрасно думаютъ за границы (а нѣкоторые и дома), будто у насъ стало господствовать направленіе охранительное, русское, съ славянскимъ и православнымъ оттѣнкомъ. Можетъ быть сочувствіе этому направленію и существуетъ въ сердцахъ людей призванныхъ къ власти; на дѣлѣ это однако незамѣтно. Править по прежнему та же безличная, бездушная машина, чуждая всякому направленію или сочувствію, какъ и всякой идеи и смыслу. Машина эта покрываетъ собою всю Россію и какъ ни много она дѣйствуетъ, какъ ни требуютъ починки или передѣлки почти всѣ ея части, но все таки она достаточна для одного, — чтобы подавить всякое движеніе, всякое дѣло живыхъ людей, нарушающее мертвый официальный порядокъ. Съ чьей стороны исходитъ попытка самодѣятельности, отъ враговъ ли власти, или отъ преданнѣйшихъ ея приверженцевъ, — все равно; послѣднимъ приходится даже хуже нежели первымъ: они не могутъ дѣйствовать вопреки власти, не противорѣча своимъ основнымъ убѣжденіямъ, тогда какъ ихъ противники, которые въ то же время и противники власти, нахо-

дятъ возможность дѣйствовать скрытными, но вѣрно ведущими къ цѣли путями.

Много и много примѣровъ могъ бы я сообщить вамъ подавленія органами власти такихъ дѣлъ, которыя самой власти были не только полезны, но даже очевидно пріятны. Я ограничусь сегодня однимъ примѣромъ, замѣчательнымъ не только по всѣмъ признаппой безвредности и благодати дѣла, но и по участию въ немъ высшихъ правительственныхъ лицъ.

Всѣмъ извѣстно, что въ г. Дрезденѣ существуетъ прекрасная православная церковь, построенная на средства проживающихъ тамъ русскихъ (благодаря особенно громаднымъ пожертвованіямъ и личной энергіи С. С. Видулина), безъ всякаго пособія со стороны правительства или изнутри Россіи. Церковь эта привлекаетъ въ Дрезденъ каждую зиму много русскихъ и южныхъ славянъ (такъ сыновья извѣстнаго сербскаго министра Ристича были при ней дѣлчиками). Зимой 1879 г., подъ вліяніемъ извѣстій о бѣдствіи православной церкви въ Босніи и Герцеговинѣ, — гдѣ, во время послѣдней войны, большая часть храмовъ была разрушена турками и, по неимѣнію средствъ у жителей, такъ и оставалась въ развалинахъ, — дрезденскіе русскіе, (между которыми были потомки старинныхъ боснійскихъ и герцеговинскихъ фамилій, какъ напр. генераль де-Прерадовичъ и г. В. Божидаровичъ), захотѣли подѣлиться съ босняками и герцеговинцами излишней утварью своей богатой церкви, а также и личными денежными средствами. Чтобы поставить дѣло въ независимость отъ личностей, придать своимъ усиліямъ единство и ясно обозначить цѣль и характеръ дѣятельности, они пожелали образовать изъ себя братство для пособія православнымъ храмамъ въ Босніи и Герцеговинѣ.

О такомъ желаніи своихъ прихожанъ, настоятель дрезденской церкви, отецъ Розановъ, довелъ до свѣденія митрополита С.-Петербургскаго, къ епархіи котораго причислены всѣ русскія церкви за границею. Высокопреосвященный Исидоръ, не только одобрилъ идею братства и благословилъ основателей его, но и прислалъ дрезденскому священнику, черезъ главную духовную консисторію, официальный указъ открыть братство. Въ исполненіе этого, отецъ Розановъ собралъ братчиковъ, отслужилъ молебенъ, прочелъ полученный указъ и объявилъ братство открытымъ. Устроившись на такомъ строго законномъ основаніи, братство начало дѣйствовать. Немедленно были отправлены въ Боснію и Герцеговину остававшіяся безъ употребленія утварь, ризы и образа прежней домовой дрезденской церкви, открытъ приемъ вкладовъ и пожертвованій, собраны нужныя свѣдѣнія о положеніи босно-герцеговинскихъ церквей и устроены сношенія съ мѣстными дѣятелями; подъ впечатлѣніемъ основанія дрезденскаго братства и въ надеждѣ на его помощь, въ сѣверо-западной Босніи, (наиболѣе пострадавшей мѣстности, гдѣ 106 церквей находились запустѣлыми), образовались мѣстныя братства, которыя приступили къ починкѣ и

возстановленію церквей. Эти братства хлопотали, какъ отъ своего духовнаго начальства (сараевскаго митрополита), такъ и отъ австрійской оккупационной власти, дозволеніе споспѣять съ дрезденскимъ братствомъ и принимать отъ него пособія. Само вѣнское правительство, наведя справки о нашемъ братствѣ, убѣдилось въ его совершенно религіозномъ характерѣ и не ставило ему никакихъ препятствій; нахождение братства на германской территоріи и независимость его отъ славянскихъ комитетовъ въ Россіи значительно облегчало его дѣятельность. Нечего и говорить, что саксонское правительство, еще менѣе австрійскаго, находило въ этомъ какое либо для себя неудобство: въ Дрезденѣ существуютъ благотворительныя и миссіонерскія общества всѣхъ странъ и религій. Наконецъ, особенно благоприятнымъ казалось то обстоятельство, что нашимъ посланникомъ въ Дрезденѣ былъ человѣкъ вполне русскій, А. И. Нелидовъ, доказавшій въ бытность свою на Востокѣ свою преданность интересамъ славянства и православія.

Братство получало изъ Россіи многочисленныя заявленія сочувствія и желанія къ нему присоединиться. Профессора духовной академіи, соборные протоіереи и многія другія духовныя и свѣтскія лица вступали въ него членами, присылали и собирали пожертвованія. Изъ свѣтскихъ лицъ мнѣ извѣстны письменныя заявленія, оберъ-прокурора Св. синода, Д. Т. С. Побѣдоносцева, товарища госуд. контролера, Т. С. Филиппова, главноупр. I отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи, Д. Т. С. Тапѣва и много другихъ. Предсѣдателемъ братства былъ избранъ извѣстный, основатель добровольнаго флота, графъ А. Е. Комаровскій, покровителемъ митрополитъ Исидоръ. И тѣмъ и другимъ были сдѣланы значительныя личныя пожертвованія, а по предложенію митрополита и св. синода дароваль книги и образа. Московскій художникъ Кошелевъ прислалъ нарочно имъ написанный образъ, оцѣненный въ 2000 р., для постановки въ главномъ боснійскомъ храмѣ. Наконецъ, я долженъ упомянуть и о дарѣ графа Н. П. Игнатьева, приславшаго братству 3500 р. изъ суммы подписанной ему нижегородскимъ купечествомъ.

Вмѣстѣ съ другими, и я былъ почтенъ избраніемъ въ члены братства еще въ первомъ засѣданіи онаго; съ живѣйшимъ участіемъ я слѣдилъ за его дѣятельностію и старался ему быть полезнымъ. Черезъ нѣкоторое время, однако, мнѣ перестали присылать изъ Дрездена извѣстія и сообщенія и даже отвѣчать на мои запросы. Осенью 1880 г., возвращаясь въ Москву изъ за границы, я нарочно заѣхалъ въ Дрезденъ чтобы узнать о причинѣ такого молчанія.

— „Что съ братствомъ?“ — спрашивалъ я у немногихъ братчиковъ, которыхъ я нашелъ въ Дрезденѣ, — „отчего оно перестало дѣйствовать?“

— „Оно приостановлено“ — отвѣчали мнѣ.

— „Приостановлено кѣмъ? за что? до какого срока?“ продолжалъ спрашивать я, но въ отвѣтъ услыхалъ только:

— „Братство не закрыто, а приостановлено, о возобновлении же его ничего неизвестно“.

— „Что же случилось с вещами и деньгами, которые были собраны?“

— „Что успели отправить до приостановления, все дошло благополучно; никаких препятствий не было; босяки очень благодарят“.

— „А что не успели отправить?“

„Остается в кладовой при церкви; отправлять и распоряжаться не имеем больше права“.

— „Тогда лучше возвратить жертвователям; пусть пошлют сами“.

— „Возвратить можно бы было, если бы братство закрыли, но оно только приостановлено; вдруг, откроют, скажут самовольное распоряжение“.

Я понял одно: что братчики чьм-то или кьм-то запуганы и что толку от них не добьешься. Из Дрездена я поехал в Петербург и там думал узнать о судьбе нашего братства. — Ну, если братчики в Дрездене сдѣлали какую либо неосторожность, то братчики в Петербурге, — сильные люди — поправят дѣло, — говорил я себе. В министерствѣ иностранных дѣл, как и в министерствѣ внутренних, и в духовном вѣдомствѣ, вездѣ отзывались о цѣляхъ братства и о его дѣятельности с горячимъ сочувствіемъ, съ сожалѣніемъ о перерывѣ.

— „Что же сдѣлало братство что ему запретили продолжать начатое?“ — опять спрашиваю я; — „поступило ли оно неправильно? или заподозрено въ неблагонамѣренности?“

— „Помилуйте, кака! неблагонамѣренность! все братство изъ лицъ намъ хорошо известныхъ, а между ними есть очень вліятельныя; открыто оно по распоряженію митрополита Исидора въ его епархіи; противъ братства ничего нельзя найти“.

— „Тогда зачѣмъ же его закрыли?“

— „Его вовсе не закрыли, а только приостановили“.

Я не продолжалъ болѣе настаивать, видя *parti-pris* не отвѣчать, но одинъ изъ моихъ сочленовъ по братству, занимающій видное мѣсто на іерархической лѣстницѣ, былъ болѣе настойчивъ. Ему признались, что существованіе братства было нѣсколько ненормально, оно не имѣло никакого прецедента и хотя не возбудило затрудненія своими дѣйствіями, но *могло* возбудить. „Гораздо лучше сосредоточить пожертвованія при св. Синодѣ, который будетъ передавать ихъ въ Азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а оттуда они будутъ пересылаемы къ нашимъ мѣстнымъ представителямъ“.

— „Но какимъ же образомъ вещи и деньги будутъ доходить до босяко-герцеговицевъ?“ — спросилъ Н.

— „Вотъ въ этомъ-то и затрудненіе, но австрійскія власти, вѣроятно, не откажутся взять на себя передачу посылокъ по назначенію“ —

Итакъ братству, доставлявшему все на мѣсто непосредственно и безъ всякихъ для

кого либо хлопотъ или затрудненій, нельзя было существовать, потому что, какъ я сказалъ въ началѣ этого письма, оно было дѣломъ живыхъ людей, а не административной машины. Лучше пусть пожертвованія гниютъ въ кладовыхъ, пока чиновники переписываются и отписываются, чтобы, въ концѣ концовъ, передать все, не нуждающимся, а чужому правительству, на равнодушіе и враждебность котораго къ православной вѣрѣ жалуются наши единоверцы!

Я прибавлю къ этому, что члены братства не переставали и въ нынѣшнемъ году дѣлать усилія, чтобы разъяснить положеніе братства, просили о перенесеніи его въ Петербургъ, просили даже о закрытіи, съ тѣмъ чтобы получить право возвратитъ собранныя вещи жертвователямъ. Ничто не помогло: имъ отвѣчали одними выраженіями сочувствія и утѣшеніемъ, что братство не закрыто, а приостановлено.

А Европа еще опасается религіозной и національной пропаганды со стороны Россіи! тамъ утверждаютъ, будто панславистская партія преобладаетъ при новомъ режимѣ!

Въ объясненіе несчастной судьбы дрезденскаго братства мнѣ приходитъ въ настоящую минуту слѣдующее предположеніе: въ какой нибудь инстанціи, съ которою имѣло дѣло братство, вѣроятно, нашелся *писарь-нигилистъ*, которому не понравилась мысль о пособіи церквамъ; онъ написалъ какое нибудь „отношеніе“, которое, разъ получивъ надлежащій ходъ, само собою привело къ прекращенію дѣятельности братства: всякое усиліе и заступничество оказалось противъ этого безнелымъ.

Примите и пр.

— *ога.*

Р. S. Замѣчательно, что ни одна петербургская и ни одна московская газета не промолвила ни слова о превратной судьбѣ нашего братства; въ числѣ его членовъ, однако, не послѣднее мѣсто занимали редакторъ-издатель „Голоса“ и редакторъ-издатель „Руси“.

## РУССКІЕ ИСКАТЕЛИ ИНОСТРАННЫХЪ ТРОНОВЪ.

### I.

Недалеко еще отъ насъ то время, когда самостоятельная дѣятельность русскаго за предѣлами отечества, видная роль его въ политикѣ другихъ странъ казалась немаловажною. Графъ Киселевъ былъ первымъ и самымъ блестящимъ исключеніемъ: дѣйствуя въ исполненіе воли императора Николая, онъ не только далъ прочное государственное устройство княжествамъ Молдавіи и Валахіи, но и положилъ основаніе всему дальнѣйшему развитію политической жизни румынскаго народа; румыны и до сихъ поръ чтутъ его память, какъ перваго и мудрейшаго изъ своихъ государственныхъ людей.

Происходитъ ли это отъ обилія политическихъ талантовъ въ современной Россіи, не находящихъ дома достаточнаго занятія, или же отъ развитія честолюбія въ отдѣльныхъ личностяхъ, которое не удовлетворяется болѣе ни чинами ни знаками отличія, но теперь не рѣдко встрѣтить русскаго во главѣ военной силы другаго государства, или даже кандидатомъ на постъ главы правительства. Генералъ Черняевъ командовалъ сербскою арміею, генералъ Фадѣевъ организовалъ египетскую, начальствованіе болгарскими войсками переходитъ отъ генерала Паренцова къ генералу Эрпроту, а отъ послѣдняго къ генералу Крылову; генералъ Эрпротъ, задумываетъ и совершаетъ въ Болгаріи государственный переворотъ; недовольные онымъ болгары обращаютъ взоры на русскихъ же, изываютъ къ ихъ заступничеству и желаютъ, — какъ пишутъ намъ изъ Болгаріи, — видѣть любимыя имъ личности, не только на мѣстѣ генерала Эрпрота, но и на мѣстѣ князя Баттенберга.

Болгары обязаны признаніемъ своего существованія, какъ особой народности, самостоятельностью своей церкви и своимъ политическимъ освобожденіемъ преимущественно графу Н. П. Игнатьеву. Естественно, поэтому, что когда, въ 1879 г., дѣло шло о выборѣ главы княжества учрежденнаго берлинскимъ конгрессомъ, всѣ болгарскіе патріоты думали о человѣкѣ, который, въ С. Стефано, начерталъ границы государства, обнимавшаго все болгарское племя. Только независимыя отъ нихъ политическія обстоятельства не позволили Болгарамъ торжественно заявить о своемъ желаніи и настаивать на немъ; однимъ изъ этихъ обстоятельствъ было вліяніе тогдашняго генералъ-губернатора Болгаріи, князя Дондукова-Корсакова, около котораго собрался небольшой кругъ приверженцевъ, стремившихся удержать его въ странѣ въ качествѣ постоянного ея правителя.

Принцъ Александръ Баттенбергъ, совершенно неизвѣстный Болгарамъ и не имѣвшій между ними *ни одного* приверженца, былъ избранъ княземъ Болгаріи на конгрессѣ въ Берлинѣ, послѣ того какъ большинство державъ отклонило кандидата предложеннаго Россіей, президента черногорскаго сената Вождю Петровица. По вступленіи на престолъ, князь Александръ понялъ, что болгарскій народъ будетъ повиноваться только лицу, пользующемуся довѣріемъ и поддержкою Россіи, и всѣчески старался заявлять о своей преданности и признательности русскому царствующему дому и русскому народу. Мы не знаемъ только нужно ли было прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для неспроверженія конституціи, дарованной Болгаріи русскими властями, и не былъ ли князь Александръ въ состояніи, однимъ правительственнымъ вліяніемъ и обдуманнѣмъ пользованіемъ присвоенными ему прерогативами, достигнуть той же цѣли, т. е. приобрести большинство скупщины въ пользу предложенныхъ имъ измѣненій.

Изъ полученныхъ нами извѣстій изъ Болгаріи мы видимъ, что неудовольствие насильственностію совершеннаго переворота

обращено исключительно на князя и его советников; болгары только сожалеют, что правительство и общество в России не были хорошо извещены о положении дѣла въ Болгаріи. Несмотря на терпѣніе и кажущееся равнодушіе народа, — пишутъ наши болгарскіе корреспонденты, — недовольство правленіемъ князя растетъ постоянно и, въ случаѣ принятія имъ новыхъ принудительныхъ мѣръ или новышенія налоговъ, можетъ произойти взрывъ. Но и тогда, — увѣряютъ болгары, — народъ не подумаетъ выйти изъ повиновенія Россіи, а только будетъ просить о замѣнѣ Баттенберга однимъ изъ русскихъ.

Мы понимаемъ важность сохраненія вліянія Россіи въ единственной странѣ на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ оно еще осталось во всей силѣ, но не видимъ почему эта дѣла можетъ быть достигаема поддержкою на тропѣ, вопреки народнымъ желаніямъ, нѣмецкаго принципа и прусскаго порука, лучше нежеліи водвореніемъ русскаго по происхожденію и чувствамъ, если онъ будетъ призванъ самими болгараміи.

## II.

Одновременно съ извѣстіями изъ Болгаріи, свидѣтельствующими о движеніи въ пользу кандидатуры русскихъ государственныхъ дѣятелей на болгарскій престолъ, мы получаемъ, черезъ Константинополь, свѣдѣнія о подобномъ же движеніи въ Арменіи. Письмо графа М. Т. Лорисъ-Меликова къ армянскому патріарху Нарзесу считается въ политическихъ кругахъ въ Константинополѣ чѣмъ-то въ родѣ программы-манифеста. Въ этомъ письмѣ, графъ, между прочимъ, даетъ совѣтъ воздерживаться отъ увлеченій ожидаемыми отъ Порты реформами и надѣяться на возможность, другимъ путемъ, достигнуть лучшаго. Это лучшее, — пишутъ комментаторы, — можетъ быть только образованіе независимаго или вассальнаго армянскаго государства съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ. Увѣряютъ будто эта идея уже давно зародилась у русскихъ армянъ и проводится ими между ихъ одноплеменниками въ Турціи; въ Тифлисѣ, богатѣйшіе армянскіе купцы и банкиры составили въ родѣ синдиката для собиранія и расходованія суммъ на національное дѣло; въ ихъ распоряженіи состоитъ цѣлый рядъ армянскихъ газетъ, распространяющихъ идею между образованными армянами, тогда какъ духовенство и мелкіе торговцы пропагандируютъ ее въ народѣ; вся эта агитация, — рассказываютъ въ Стамбулѣ, — поддерживается и направляется русскими властями въ Закавказскомъ краѣ, ей покровительствовалъ великій князь наместникъ и ей усердствуетъ князь Меликовъ, родственникъ графа, — наконецъ, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Петербурга, идея армянскаго царства съ гр. Лорисъ-Меликовымъ въ главѣ нашла себѣ защитника въ лицѣ — графа Игнатъева (!).

Несообразности многихъ подробностей этой картины армянскаго движенія слыш-

комъ очевидны для русскаго читателя, чтобы намъ нужно было опровергать или разяснять ихъ. Сущность дѣла, впрочемъ, не въ той или другой интересной подробности, а въ вѣрности общаго факта движенія и борющихся въ немъ направленій. Одно, англійское, имѣющее свой центръ въ столицѣ Турціи и руководимое константинопольскимъ армянскимъ патріархомъ, — духовнымъ и гражданскимъ главою всѣхъ армянъ оттоманской имперіи, — и окружающимъ его совѣтомъ армянскихъ нотаблей, стремится къ автономіи турецкой Арменіи подъ покровительствомъ Англіи. Другое направленіе, русское, руководимое изъ Тифлиса и Эчмиадзина и пользующееся сочувствіями русскихъ сановниковъ армянскаго происхожденія, желаетъ обособленія турецкой Арменіи и поставленія ее подъ покровительство Россіи. Исключая немногочисленную, но дѣятельную партію юной Арменіи, армяне турецкіе и русскіе слишкомъ благодарны и слишкомъ дорожатъ выгодами своего положенія въ Турціи и въ Россіи, чтобы думать о немедленномъ осуществленіи своего національнаго идеала, т. е. о восстановленіи древняго армянскаго царства. И тѣ и другіе, хотя въ различной формѣ, желаютъ въ настоящее время образованія національнаго ядра, которое бы притягивало къ себѣ всѣ части армянскаго племени и служило бы залогомъ будущаго.

Интересы Россіи и Англіи прямо противоположны въ армянскомъ вопросѣ. Новѣйшая англійская политика, разочаровавшись въ возможности спасенія Турціи отъ близкаго разложенія, ищетъ въ національно возрожденной Арменіи преграду для распространенія русскаго вліянія въ Азіи и флаговое прикрытіе для англійскаго владычества въ Сиріи и Месопотаміи; турецкіе армяне такъ хорошо понимаютъ солидарность своихъ интересовъ съ интересами Англіи, что рѣшили сдѣлать англійскій языкъ обязательнымъ во всѣхъ армянскихъ школахъ, начиная съ самыхъ низшихъ. Политика Россіи, чуждая всякихъ честолюбивыхъ замысловъ, подобныхъ англійскимъ, должна исключительно вдохновляться чувствомъ справедливости и вѣрностию трактатамъ. Армянское племя нигдѣ не населяетъ сплошной національной территоріи; отъ моря оно отрѣзано Грузинами христіанской и мусульманской вѣры; другихъ естественныхъ границъ оно также не имѣетъ. Даже тамъ, гдѣ армяне составляютъ большинство населенія, они перемѣшаны съ другими народностями: въ русскомъ Закавказьѣ, — съ Грузинами и Татарами; въ Эрзерумскомъ напалыкѣ, съ Турками и Курдами; значительны армянскія колоніи разбросаны по всей азіатской Турціи, (особенно много ихъ въ Киликіи, на берегу Средиземнаго моря), и даже въ Персіи. Образованіе армянскаго государства обуславливается, поэтому, изгнаніемъ другихъ національных элементовъ или подчиненіемъ ихъ армянскому; и то и другое не можетъ произойти безъ употребленія оружія, при чемъ русское вмѣшательство было бы неизбежно. Но что побуждаетъ Россію принять на себя неблагодарную миссію со-

зданія, вопреки географическимъ и этнографическимъ условіямъ, армянскаго государства, которое рано или поздно, должно неминуемо обратиться во вредъ существующему порядку въ Закавказьи? Стремленія русской партіи между армянами, ведущія къ обособленію Арменіи отъ Турціи или даже къ соединенію всѣхъ армянъ подъ русскимъ скипетромъ, еще вреднѣе для Россіи, нежели стремленія ихъ противниковъ. Русская печать и официальная Россія должны бы были не упускать случая вразумить армянъ, особенно же русскихъ, и не позволить имъ придавать характеръ русскаго покровительства движенію несогласному съ интересами Россіи.

Мы были вынуждены такъ распространиться объ армянскомъ движеніи, вслѣдствіи неясности мнѣній существующихъ о немъ въ нашей публикѣ и даже между нашими официальными дѣятелями. Что же касается отношенія къ нему гр. Лорисъ-Меликова, по поводу котораго мы начали эту статью, то мы совершенно отказываемся вѣрить такъ упорно держащимся объ этомъ слухамъ. Увѣряютъ будто бы, въ одно изъ своихъ быстрыхъ и неожиданныхъ передвиженій по Западной Европѣ, графъ посѣтилъ армянскій монастырь Св. Лазаря, близъ Венеціи, и имѣлъ въ немъ совѣщаніе съ представителями разныхъ армянскихъ партій; собраніе рѣшило признать графа верховнымъ главою армянскаго народа и, въ этомъ качествѣ, онъ написалъ письмо-манифестъ на имя константинопольскаго патріарха. Въ интересѣ бывшаго русскаго государственнаго мужа, мы желали бы съ его стороны полнѣйшаго опроверженія приписываемыхъ ему дѣйствій, равно какъ и преподанія имъ своимъ единоплеменникамъ совѣтовъ болѣе согласныхъ съ ихъ истиннымъ благомъ и съ благомъ Россіи. Точное, но осмотрительное исполненіе реформъ, выговоренныхъ 61-ю статьею берлинскаго трактата для „странъ населенныхъ армянами“ (т. е. въ дѣйствительности для всей Малой Азіи) — мѣстное самоуправленіе, съ допущеніемъ къ нему всѣхъ населеній, безъ различія религіи и происхожденія, обезпеченіе для всѣхъ одинаково личной безопасности и правосудія, и поднятіе матеріальнаго благосостоянія, — вотъ въ чемъ пуждаются болѣе всего армяне, равно какъ и другіе народы Востока, — да и не одного только Востока...

## ХРОНИКА РАБОЧАГО ВОПРОСА.

Лондонскій Конгрессъ  
Соціалистовъ-Революціонеровъ.  
(Продолженіе).

Изъ числа сдѣланныхъ конгрессу сообщеній особенно интересны доклады делегата *Славянскаго Клуба въ Лондонѣ* и делегата *Бостона*.

Члены Лондонскаго Клуба принадлежатъ къ различнымъ славянскимъ національностямъ и не думаютъ, чтобы кто нибудь изъ

нихъ, живя въ Лондонѣ, могъ представлять свою родину; поэтому делегаты клуба, какъ русскій, считъ возможнымъ представить только нѣкоторые свѣдѣнія о происходящемъ въ Россіи движеніи.

Займствуемъ изъ «*Revolte*» эти свѣдѣнія:

„Всякая страна имѣетъ свои особые условія и приемы дѣйствія; путь избранный въ Россіи, есть путь *террора*.

„По правдѣ сказать, въ Россіи существуетъ только двѣ партіи: монархическая и социалистическая. Первая хочетъ удержать *statu quo*, чувствуя, что всякое измѣненіе поведетъ къ социальной революціи, и упорствуетъ отчаяннымъ образомъ. Партія социалистическая испробовала всѣ мирные пути; единственнымъ отвѣтомъ всегда были тюрьма, ссылка, веревка. Въ западной Европѣ мы имѣемъ правительство капиталистовъ и банкировъ, — при посредничествѣ парламента или нѣтъ, все равно! Въ Россіи вся власть въ рукахъ правительства, а потому вынуждены были бороться непосредственно съ правительствомъ. Невозможно отрицать, что настроеніе въ Россіи дало пингистамъ, ибо кромѣ ихъ нѣтъ ни одной политической партіи. Правда, кромѣ партіи террористической есть еще народническая, которая скороѣ задается цѣлью вести пропаганду въ деревняхъ, но эта партія не имѣетъ достаточной силы, чтобы пользоваться серьезнымъ вліяніемъ“.

Изъ послѣднихъ словъ естественно заключить, что террористы, въ противоположность народникамъ, пользуются въ Россіи серьезнымъ вліяніемъ. Такъ и запишемъ. Но желательно было бы знать, въ какой части населенія Россіи проявляютъ они это вліяніе? Въ былое время, именно тогда, когда дружина молодежи не сидѣла по трущобамъ и не рыла динамитныя мины на погубель виноватому и правому, не кидала бомбъ черезъ головы и по головамъ людей изъ народа, а шла въ народъ и держала честную проповѣдь народнаго освобожденія отъ тисковъ правительственнаго произвола и гнета несправедливыхъ экономическихъ отношеній, поддерживаемыхъ силой закона; тогда изъ среды революціонной партіи дѣйствительно выделялись личности вліятельныя по нравственному достоинству своихъ принциповъ, безупречныя по своему образу жизни среди трудового люда, наравивъ и рука объ руку съ нимъ несшія тяжелый крестъ униженнаго и оскорбленнаго, но высоко державшія головы въ своемъ униженіи. Какъ истинные апостолы христіанской любви къ ближнему, они располагали къ себѣ самихъ судей. Публика, передъ которой они появлялись на скамьяхъ подсудимыхъ встрѣчала ихъ горячимъ сочувствіемъ и провожала приговоренныхъ съ грустью сознанія собственного безсилія. То было время дѣйствительнаго, „серьезнаго“ вліянія революціонеровъ на образованное общество и на темныя массы рабочихъ — среду ихъ подвижничества. Но свѣтлыя личности, подобныя Каминской и Бардиной, могучіе характеры, закала Мышкина, исчезли безслѣдно въ тайникахъ терроризма; исполненныя неотразимой логики и искренности

рѣши первыихъ пионеровъ русскаго социализма смѣшались несвязными и противорѣчивыми заявленіями людей видимо лишенныхъ твердой точки опоры и сбившихся съ прямого пути социальной революціи. Послѣ каждого новѣйшаго политическаго процесса общество недоумѣвало чего ради педсудимые жертвовали собою? Чѣмъ могли быть они полезны народу, не становясь въ его ряды, чуждаясь трудовой обстановки жизни или работая только для разрушенія? Да и разрушили ли они что нибудь дѣйствительно стѣснительное для народной жизни?

Не станемъ отвѣчать на эти вопросы, оставляя ихъ на обсужденіе тѣхъ дѣйствительно вліятельныхъ и почтенныхъ тружениковъ, которые не перестаютъ работать среди самого народа, на мѣстахъ, ограничиваясь скромными обязанностями рядового, не стремящагося стать генераломъ во чтобы ни стало. Заправлять судьбами массъ по собственному усмотрѣнію, не спросивъ на сколько это усмотрѣніе соответствуетъ дѣйствительнымъ цѣлямъ и нуждамъ далеко не однороднаго по мѣстнымъ условіямъ и по національностямъ населенія Россіи — можно только въ воображеніи, а не въ дѣйствительности; поэтому и вліяніе на общество такихъ заправителей всецѣло относится къ области живаго воображенія людей слабыхъ критическою способностію ума и оттого легко поддающихся чадъ самообольщенія.

Насколько же такой чадъ дѣйствительно отуманилъ головы членамъ лондонскаго конгресса — свидѣтельствуетъ ихъ терпѣливое слушаніе доклада делегаты Бостона.

Эта пионерка заатлантической революціи въ простотѣ душевной причисляетъ къ революціонной организаціи янки слѣдующія сообщества:

1) *Molly Maguires* — обитатели Пенсильванскихъ горъ. Это по большей части молодые ирландцы, запесенные въ *черный листъ* предпринимателями за участіе въ стачкахъ. Имъ приписываютъ всѣ пожары и всѣ убійства собственниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ. „Ихъ тотчасъ же вѣшаютъ, какъ только они попадаютъ въ руки“.

2) *Anti-Lorillard Bands* — тайное общество, прибѣгающее къ крайне жестокому средству мести; „жестокъ разсказываютъ о томъ, чему онъ подверглись, только докторамъ и тайной полиціи“.

3) *No odle mns* или *Молодые Медведи*, полубродяги, полуроботы, по большей части тоже ирландскаго происхожденія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они агитировали противъ *китайцевъ* и противодействовали ихъ высадкамъ на территорію штатовъ, не желая имѣть себѣ опасныхъ конкурентовъ въ этихъ несчастныхъ, довольствующихся пиццей изъ риса и крысѣ. Если вѣрить докладчицѣ, они передѣляли конституцію калифорнійскаго штата, а теперь, когда увидѣли, что отъ этого ихъ участіе не улучшилась, рѣшились заняться бомбами вмѣсто голосовальныхъ бюллетеней.

4) *Tramps* — бродяги, не принадлежащіе специально ни къ какому классу общества, но по большей части выброшенные на улицу банкротствами и спекуляціями большихъ

торговыхъ домовъ. Какъ бродяги они научились пользоваться вѣтмъ; „имѣютъ свой притонъ, гдѣ *мать*, которая не должна быть ничьею женою, принимаетъ добычу и разрѣшаетъ споры, и гдѣ они прячутся для своихъ походовъ“....

И проч. и проч.

Побойтесь здраваго смысла, господа! Вѣдь всѣ эти сообщества, представляемые шальной америкашкою за революціонныя учрежденія ея отечества — ничто иное, какъ шайки разныхъ *repris de justice* которыхъ не мало и на континентѣ, по отъ знакомства съ которыми сторонится всякій порядочный человекъ, къ какой бы части свѣта онъ ни принадлежалъ по происхожденію и каковъ бы ни былъ усвоенный имъ политическій образъ мыслей.

### ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

По свѣдѣніямъ редакціи „*Révolte*“, въ Швейцаріи образовались двѣ новыя группы, примкнувшія къ Международному Обществу Рабочихъ, это: *Аврора* (*Aurore*), группа социалистовъ-революціонеровъ въ Пайернѣ (*Vaud*) и *Секція Пропаганды* въ Поррантрюнѣ.

Надѣются, что результаты лондонскаго конгресса дадутъ сильный толчекъ организаціи силъ рабочаго сословія.

\* \* \*

По свѣдѣніямъ мѣстныхъ газетъ, комитетъ социалисто-демократической партіи предполагаетъ созвать конгрессъ въ Виптертурѣ, на случай, если федеральный судъ признаетъ основательное его жалобу; въ противномъ случаѣ социалисты попытаются собраться въ Бернѣ.

Отвѣтъ цюрихскаго правительства уже врученъ судомъ авторамъ протеста противъ запрещенія конгресса; срокомъ для подачи возраженія съ ихъ стороны назначено 21 число этого мѣсяца. Докладывать дѣло будетъ г. судья Штаммъ.

\* \* \*

Гамбетта *ничтожнымъ* большинствомъ избирательныхъ голосовъ одержалъ верхъ надъ своими соперниками въ Вельвилѣ. Биржа спокойна; весь спекулятивный и торговый міръ Франціи приободрился; по ряду опортюнистовъ очевидно порѣдѣли въ средѣ избирателей, а потому не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что новая палата депутатовъ не будетъ болѣе послушнымъ орудіемъ въ рукахъ главы опортюнизма и откроетъ путь къ болѣе радикальному разрѣшенію рабочаго вопроса.